

Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 6 (146). С. 38–46.
Izvestiya of Altai State University. 2025. No 6 (146). P. 38–46.

Научная статья

УДК 94:635.1/.8(571.16)

ББК 63.3(253)53-282.2+42.340

[https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)6-04)

Огородничество в системе хозяйствования крестьян Томской губернии на рубеже XIX — XX вв.: трудовые традиции и аграрные практики

Ксения Александровна Пожарская¹, Екатерина Андреевна Бугрова²

¹Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, kse-pozhar@mail.ru

²Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия; Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, bugrovakatyaa@yandex.ru

Original article

Vegetable Gardening in the Farming System of Peasants in Tomsk Province at the Turn of the 19th–20th Centuries: Labor Traditions and Agrarian Practices

Ksenia A. Pozharskaya¹, Ekaterina A. Bugrova²

¹Altai State University, Barnaul, Russia, kse-pozhar@mail.ru

²Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia; Altai State University, Barnaul, Russia, bugrovakatyaa@yandex.ru

Аннотация. Статья написана в русле историко-этнографической проблематики и истории повседневности. В центре внимания авторов оказалась такие аспекты огородничества крестьян Томской губернии, как конфигурация огородов внутри усадебных наделов, спектр выращиваемых плодовых и корневых культур и его расширение в процессе активной земледельческой колонизации региона на рубеже XIX–XX столетий, конкретные трудовые, а также религиозные и мистические практики выращивания отдельных видов огородных культур. Отмечается, что значительный вклад во включение в сферу жизнеобеспечения сибирских крестьян культивирования овощей внесли мигранты из внутренних губерний Российской империи, стремившиеся прежде всего к воспроизведству традиционной системы питания в новых природно-климатических условиях, а также живущих в рамках модели экономики «выживания». На материалах периодической печати, а также научных публикаций начала XX в. иллюстрируется состояние агрономической науки обозначенного периода. Делается заключение о преимущественно потребительском характере огородничества сельских жителей Томской губернии в конце XIX — начале XX в.

Ключевые слова: земледелие, огородничество, этнография крестьянства, Томская губерния, хозяйствственные практики, система питания, аграрная миграция, адаптация

© Пожарская К.А., Бугрова Е.А., 2025

Abstract. The article is written within the framework of historical and ethnographic studies and the history of everyday life. The authors focus on various aspects of peasant vegetable gardening in Tomsk Province, such as the layout of gardens within household plots; the range of fruit and root crops cultivated and its expansion during the period of intensive agricultural colonization of the region at the turn of the 19th and 20th centuries; and the specific labor, as well as religious and mystical, practices associated with the cultivation of particular garden crops. It is noted that migrants from the inner provinces of the Russian Empire made a significant contribution to the inclusion of vegetable cultivation in the subsistence system of Siberian peasants. Their efforts were driven primarily by a desire to reproduce traditional dietary patterns under new natural and climatic conditions, as well as by their existence within a “survival economy” model. Using materials from periodicals and scholarly publications of the early 20th century, the authors illustrate the state of agronomic science during this period. The study concludes that peasant vegetable gardening in Tomsk Province at the end of the 19th and the beginning of the 20th century was predominantly of a subsistence character.

Keywords: agriculture, vegetable gardening, ethnography of the peasantry, Tomsk Province, economic practices, food system, agrarian migration, adaptation

Для цитирования: Пожарская К.А., Бугрова Е.А. Огородничество в системе хозяйствования крестьян Томской губернии на рубеже XIX–XX вв.: трудовые традиции и аграрные практики // Известия Алтайского государственного университета. 2025. № 6 (146). С. 38–46. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)6-04).

For citation: Pozharskaya K.A., Bugrova E.A. Vegetable Gardening in the Farming System of Peasants in Tomsk Province at the Turn of the 19th–20th Centuries: Labor Traditions and Agrarian Practices. *Izvestiya of Altai State University*. 2025. No. 4 (146). P. 38–46. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2025\)6-04](https://doi.org/10.14258/izvasu(2025)6-04).

Приемы и практики жизнеобеспечения сибирского крестьянства на рубеже XIX–XX вв. представляют собой весьма популярную в исследовательской литературе тему. Разнообразные ее аспекты и сюжеты находились в центре внимания целого массива работ, реконструировавших региональные особенности прежде всего крестьянского земледелия [1–8]. На этом фоне обделенным с точки зрения исследовательского интереса явилось такое направление сельскохозяйственной деятельности крестьян Сибири в целом и Томской губернии в частности, как огородничество. Так, обозначенная тема оказалась лишь в фокусе внимания ряда статей новосибирских исследователей Е.Ф. Фурсовой [9, 10] и Г.А. Ноздрина [11, 12]. Косвенное отношение к истории овощеводства крестьян Томской губернии имеют также публикации, посвященные пищевым традициям переселенцев в регион, поскольку они позволяют выявить спектр плодовых и клубневых растительных компонентов блюд стола мигрантов [13–15]. Указанные обстоятельства позволяют сделать заключение об актуальности темы статьи для сибирических исследований.

Огородничество получило распространение в Сибири с XVII в., с первыми переселенцами, которые привезли семена огородных культур, а также представления об их посадке и т.д. [10, с. 83]. В дальнейшем развитие данного вида деятельности происходило в регионе медленными темпами. Например, в отчете 1896 г. о поездке в Сибирь статс-секретарь А.Н. Куломзин свидетельствовал, что в Томске обыкновенный лук бывает дороже, чем в Санкт-Петербурге виноград [16, с. 119]. А крестьянин Иван Платонов из Рязанской губернии, направившийся в 1881 г. в Томскую губернию на разведку, писал на родину: «Огородов вовсе нигде нет, все сажают овощи в полях: капусту, огурцы и арбузы, овощи плохие» [17, с. 181]. Потому некоторые авторы, как дореволюционные, так и более позднего исторического периода, связывали активизацию развития огородничества на рубеже XIX–XX вв. с массовым притоком в Сибирь переселенцев из европейской части страны [12, с. 120; 18, с. 133]. В частности, член общества любителей исследования Алтая С.П. Швецов отмечал, что именно новоприбывшие активно занимаются огородничеством и бахчеводством, «о чём старожилы не имеют и понятия» [19, с. 93]. Зафиксированными оказались и опасения мигрировавших в регион из малороссийских губерний получить землю, непригодную

для разведения бахчи и огорода [20, л. 16 об.]. Тем не менее, уже к 1910-м гг. огородничество получило распространение во всех уездах Томской губернии, что было отражено в описании Томского переселенческого района [21, л. 175].

Сложным является вопрос об определении площади земли, выделяемой земледельцами под огородные культуры. Селения старожилов обычно строились не планомерно, имели свободную конфигурацию. Сибиряки, как правило, стремились объединить на усадебном участке и хозяйственные пристройки, и огород [22, с. 238]. В то же время среди крестьян, как старожилов, так и переселенцев, были распространены заимки, где также могли быть разбиты огороды, создавались огороды и в полях [11, с. 99].

Усадебные огороды сибирских крестьян, в сравнении с огородами крестьян в Европейской России, отличались большой площадью [23, с. 32]. Дореволюционные исследователи приводили следующие данные о средних размерах огородов в европейской части страны. Во Владимирской губернии средний размер огорода равнялся 40 кв. саж. [24, с. 21], а в Ростовском уезде Ярославской губернии — 570 кв. саж. [25, с. 12]. В Томской губернии средний размер усадебной земли в старожильческих селениях, выделенной под огород, составлял 370 кв. саж. [26, с. 67], а в переселенческих селениях (уезды Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский) — 1127,3 кв. саж. [27, с. 87]. В.Я. Нагнибела отмечал, что у переселенцев, водворившихся в Кулундинской степи, 3/5 усадебной площади обычно отводилось под огороды, которые были почти у каждого домохозяина [27, с. 173]. Исследователь подчеркивал, что в переселенческих селениях Томской губернии, охваченных обследованием под его руководством, земли под усадьбу выделялись с учетом площадей, необходимых для разбивки огородов. Однако в первые годы обустройства переселенцы на надельных землях вместо огородных высаживали хлебные культуры [27, с. 87]. Данное обстоятельство вполне соответствует выдвинутому в исторической литературе тезису об адаптационной стратегии мигрантов, состоящей в стремлении крестьян-переселенцев на начальном этапе хозяйствования на новой родине максимально мобилизовать доступные посевные площади для производства зерновых и, соответственно, скорейшей monetизации результатов своего труда, а также во избежание рисков производства, обусловленных сложными природно-климатическими условиями региона заселения [28, с. 318–319].

В целом, в четырех вышеуказанных уездах губернии наибольший средний размер надела, отведенного под огород, фиксировался в степном районе губернии и исчислялся в 1387,7 дес. [27, с. 87]. Вероятно, именно в данном районе Томской губернии, отличавшимся малым количеством осадков в годовом и вегетационном циклах, сильной ветровой активностью, неравномерностью орошения, соответственно, обладавшим большими свободными пространствами в силу относительно низкой «популярности» у земледельцев, огородничество могло играть роль подсобного средства в обеспечении питанием.

Специфика размещения огородов определялась природно-географическими и орографическими особенностями местности. Так, в степной части Алтайского округа, изобилующей солеными озерами, крестьяне старались максимально использовать пресные водоемы и пресные грунтовые воды, что приводило к «стягиванию» огородов и усадеб к ним [29, с. 117]. Прямо на огородах, расположенных с выходом к водоемам, выкапывали неглубокие, часто примитивные колодцы для полива, напоминавшие ямы, наполнявшиеся грунтовой и озерной водой [30, с. 55]. А в Бельгачской степи округа ориентировали размещение огородов к искусственно созданным прудам, образованным в результате сбережения снежной воды [31, с. 5]. В горной части Алтайского округа, например, старообрядцы д. Фыкалка Змеиногорского уезда, размещали огорода ниже населенного пункта, за перевалом, для защиты растений от северных ветров [32, с. 102].

Овощи подразделялись крестьянами на полевые и огородные. Если в середине XIX в. на полях выращивали только репу и капусту [33, с. 194], то к началу XX в. ассортимент расширился за счет редкого и брюквы [34, с. 210], картофеля и подсолнечника [12, с. 123]. На огородах культивировались: капуста, картофель, огурцы, морковь, свекла, горох, фасоль, бобы, помидоры, дыни, арбузы и тыквы [27, с. 173], а также фасоль и баклажаны [19, с. 93]. Н. Рубакин в своих «Рассказах о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской...» упоминал, что успешным считался опыт по разведению сахарной свеклы, ознаменовавшийся получением значительного урожая [35, с. 143]. В местностях, прилегавших к крупным населенным пунктам и трактам, существовали промысловые огороды, плоды с которых составляли статью дохода крестьянской семьи. Например, в районах, имевших рынок сбыта, выращивали салат, петрушку, цветную капусту, сельдерей, т.е. помимо обычновенных овощей, культивировали овощи для более изысканного стола [11, с. 99]. Кроме всего указанного выше, в Томской губернии также выращивали культуры, являющиеся добавками или приправами к пище — чеснок, тмин, хрень и др. [10, с. 84]. Об успешном транзите набора овощей, а также его интеграции в рацион

питания переселенцев из Малороссии в Томскую губернию позволяет сделать вывод академическое этнографическое описание пищи украинцев, приведенное П.П. Чубинским. Оно содержит перечисление традиционных «этнических» растительных продуктов [36, с. 433–437]. Интересно отметить, что малороссы, проживавшие в Европейской России, употребляли в пищу дыни и арбузы с хлебом, что являлось рационом завтрака и полдника [36, с. 435]. Подобного свидетельства относительно сибирских украинцев нет. Арбузы, как правило, в Сибири ели свежими, солеными, использовали для приготовления меда [11, с. 99].

Отбор огородных культур крестьянами Томской губернии определялся природно-климатическими особенностями местности и ее демографическим потенциалом. Так, проживавшие в Бийском и Барнаульском уездах даже высаживали дыни и арбузы в открытый грунт [37 с. 73; 38, с. 30]. А в 1915 г. газета «Жизнь Алтая» сообщила своим читателям о рекордном урожае арбузов в Кулундинской степи [39, с. 3]. По данным же «Сельскохозяйственного обзора Томской губернии за 1913 г.», «из северной, средней и западной частей Каинского уезда, западной части Кузнецкого, всего Томского и северной и средней частей Мариинского уезда не поступило ни одной корреспонденции с указаниями на занятие бахчеводством» [40, с. 62]. Для украинских мигрантов, проживавших в пределах современных границ Томской области, тыква заменила в рационе арбуз [15, с. 150]. А в степях и южной лесостепи к началу XX в. культивировались томаты, на севере Барабы традиция выращивания огурцов получила распространение под влиянием белорусских переселенцев [11, с. 99]. Далеко не все из привезенных сортов приживались в Сибири, так, например, было с капустой. Белокочанная капуста старожилов оказалась наиболее устойчивой к сибирскому климату, поскольку являлась результатом относительно более старой селекции [34, с. 221].

Задокументированным свидетельством богатого спектра огородных культур, получивших распространение в Алтайском округе как части Томской губернии на рубеже XIX–XX вв., является отчет генетика-ресурсоведа Е.Н. Синской «О полевых культурах Алтая», опубликованный в 1925 г. Помимо перечисленными нами ранее хозяйственно-ценных видов огородных культур, исследовательница зафиксировала на Алтае в первой четверти XX в. посадки бобовых культур (горох, конские бобы, фасоль), которые выращивали, по ее данным, исключительно в селах, где живут выходцы из малороссийских губерний, а также посевы чечевицы, нута и махорки [41, с. 157–158].

Побуждающим стимулом для переселенцев к введению в сельскохозяйственный оборот огородных культур являлось стремление к наполнению рациона привычными продуктами питания в условиях коло-

низации. Известный этнограф В.А. Липинская отмечала, что необходимо различать адаптацию и адаптирование культуры питания. Адаптация представляла собой приспособление («приноравливание») питания к возможностям природной среды обитания, а адаптирование предполагало действия человека по изменению условий обеспечения продовольствием в соответствии с его потребностями и запросами, а также «подлаживание» вновь вводимых продуктов и блюд под национальный вкус. Таким образом, адаптирование имело направленность на слаживание и корректировку иноэтнических воздействий применительно к этническим вкусовым предпочтениям. Адаптация же способствовала увеличению возможностей получения продуктов питания и приготовления из них пищи, т.е. вела к расширению вариантов, а в конечном итоге — к изменению модели питания. Таким образом, по мнению исследовательницы, адаптация — это механизм внесения изменений в культуру национального питания, а адаптирование — механизм защиты традиционной системы питания. Взаимосвязь этих процессов обеспечивала развитие традиционного питания при сохранении его соответствия этнической специфики [42, с. 18, 38].

В источниках информация о практиках плодосмена на огородах сибирских крестьян приведена преимущественно для товарных хозяйств. В Томском (волости Нелюбинская, Спасская, Семилужная, Ишимская) и Мариинском (волости Почитанская, Зырянская и Баймская) уездах овощи разводились в последовательности, которая была определена отношением разных видов огородных культур к навозному удобрению [43, с. 308]. Требовательнее всего в данном отношении, по сведениям А.А. Кауфмана, являлись огурцы, затем капуста, лук, морковь, петрушка и сельдерей. Например, в Спасской волости нередко огурцы садили на одном месте от двух до пяти лет подряд, причем навоз ежегодно добавляли свежий. Капусту же садили на более продолжительные сроки (до 10 лет подряд) без обновления удобрений. Лук высаживали или рядом с более поздними посадками капусты или после них. Морковь, репа, сельдерей, петрушка — всегда высаживались после капусты. Картофель садили либо после других овощей, когда от навоза оставались только слабые следы, либо для него в огородах отводили специальные гряды, которые не удобрялись. Данная культура расценивалась как малотребовательная к удобрениям [43, с. 314].

Относительно плодосмена на огороде автор цикла статей «Устройство огорода» В. Яницкий писал, что при малом разнообразии огородных культур каждому растению найдется место в рамках единой земельной площади, отличающейся по физическим параметрам в разных частях [44, с. 103]. Однако известный сибирский агроном Н.Л. Скалозубов разви-

вал идею о зависимости истощения почвы от набора выращиваемых культур. Так, картофель «вытягивает» из почвы соли калия, а свекла — нет. Бобовые являются обогатителями почвы азотом, потому он настаивал на важности чередование растений с разными «требованиями» к почве для повышения ее продуктивных свойств [45, с. 86–87].

Чрезвычайно гетерогенные природно-климатические условия Томской губернии обусловили существенные календарные колебания времени сева и уборки огородных культур, которые колебались в пределах одного месяца, в том числе и для бахчевых растений [40, с. 62].

Особое внимание стоит уделить такой культуре, как картофель. К концу XIX в. для старожилов картофель являлся преимущественно огородной культурой. Однако приток переселенцев изменил ситуацию, и картофель стал входить в число полевых культур, а также использовался в Томской губернии для нужд винокуренных и паточных заводов [23, с. 33]. При этом сибирские старообрядцы длительное время отказывались от посева и употребления в пищу данной культуры. Так, Бухтарминские старообрядцы в начале XX в. называли картофель «яблочком» или «яблочкой» и лишь под влиянием примера переселенцев стали садить картофель на пашне [32, с. 102]. На рубеже XIX–XX вв. картофель становится «вторым хлебом» жителей Западной Сибири [46, с. 80]. В частности, у крестьян, обосновавшихся в Степном районе Томской губернии (волости Барнаульского и Каинского уездов), он занимал вторую позицию по объемам потребления среди растительных продуктов рациона [27, с. 176–177]. Время посадки и уборки картофеля в Томской губернии по данным за 1913 г. колебалось в различных ее частях в пределах одного месяца [40, с. 34, 37]. Средний урожай картофеля в обозначенном году в Томской губернии составил с одной десятины 505 пудов, причем для отдельных районов показатели варьировались от 120 до 811 пудов [47, с. 27]. Безусловно, для такой большой административно-территориальной единицы, как Томская губерния, площади посевов картофеля весьма существенно разнились [27, с. 14–15 табл.].

Наряду с картофелем в начале XX в. важное значение придавалось культивированию белокочанной капусты, завезенной в Сибирь с самого начала русской колонизации и являвшейся одним из важнейших заготовительных продуктов [10, с. 84]. Она недорого стоила, часто выращивалась в ящиках на высоких столбах, обязательно прикрывалась от заморозков [23, с. 32]. Старообрядцы Бухтармы, помимо изготовления срубов-ящиков, размещали посадки капусты на плоских крышах хозяйственных построек, чтобы повысить «уровень» поступления солнечного света [32, с. 102]. Е.Ф. Фурсова представила подробное описание практик посадки капусты, отметив,

что именно относительно данной огородной культуры у сибирских земледельцев бытовало наибольшее количество разнообразных поверий и ритуалов [10, с. 84–85]. А.А. Кауфман особо подчеркивал, что значительные временные затраты по уходу за белокочанной капустой (прополка, окучивание, регулярный полив), конвертируются в весомый доход при ее реализации [43, с. 312].

В целом, земледельческая деятельность крестьян, в том числе и огородничество, сопровождалась религиозными и магическими практиками: посадка и сбор в определенные дни, чтение заговоров и молитв перед посадкой, крестные ходы, поддержание чистоты в доме как залога чистоты в огороде и т.д. [11, с. 100]. В частности, время высаживания огородных культур напрямую связывалось с днями недели. Например, выходцы из украинских губерний, проживавшие в Кулундинской степи, отказывались от посадок по четвергам, опасаясь нападения червей (роль сыграла фонетическая близость слов «четверг» и «черви»). «Нерабочими» также являлись воскресные дни, работать в которые в соответствии с христианской идеологией было «грешно», а также особо «тяжелые» дни — понедельники [10, с. 84].

Огород преимущественно являлся зоной ответственности женщины [23, с. 32]. Однако в огородных работах крестьянкам часто помогали пожилые члены домохозяйства, а также дети, особенно девочки. Также повсеместно вспашка огорода, починка изгороди, а в ряде местностей боронование, вывоз на огород удобрений и даже приготовление лопатами гряд производились мужчинами [48, с. 86]. Обработка огорода осуществлялась мужчинами сохой, но борозды и гряды лопаткой формировали женщины, которые также осуществляли и весь рутинный уход (прополка, регулярная поливка) [23, с. 32]. Хотя существовали и отдельные примеры работы на огороде представителей обоих полов, в хозяйствах, где данный вид сельскохозяйственной деятельности приобрел товарный характер [43, с. 303].

Традиционно огородные гряды формировали высокие: для лучшего прогрева и защиты от дождевой воды [23, с. 32]. Однако В. Яницкий отмечал, что высокие грядки для части овощей вовсе не нужны (лук, морковь) и даже вредны (например, для капусты). По мнению автора, высокие гряды в летнее время тепле и суще, но устраивать их необходимо тогда, когда почва очень сырья, в противном же случае такие гря-

ды нужны только для тех овощей, которые требуют много тепла, главным образом для томатов. Сильнее нагреваясь днем, высокие гряды сильнее охлаждались за ночь, а колебания температуры, конечно, не могли не отзываться на здоровье корней. Осенью же высокая гряда становилась холоднее низкой [49, с. 64–65].

Ввиду большего, сравнительно с европейской частью страны, поголовья скота в Томской губернии, в регионе существовали возможности для обильного удобрения почвы в огородах. Интересно отметить, что в Сибири в исследуемый период устойчивой практики унавоживания полей не сложилось [3, с. 174]. Однако огороды удобряли каждую весну и весьма обильно: по 360–860 пудов. Наиболее интенсивно удобрялись капустная рассада и огурцы, меньше — корнеплоды и зелень, совсем мало — картофель и капуста [11, с. 99]. Бухтарминские старообрядцы осуществляли удобрение почвы путем размещения скота прямо в огороде, часто сооружали зимний двор для скота вплотную к огороду [32, с. 299].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в Томской губернии культивирование огородных культур начинает постепенно включаться в сферу жизнедеятельности сибирских крестьян, чему во многом способствовали массовые миграции из европейской части Российской империи. Именно в это время формируется базовый набор хозяйственно-полезных видов, адаптированных к местным природно-климатическим условиям благодаря проактивной деятельности человека (отбор семян, сооружение грядок, выбор участков для посадки и т.д.), явившейся в том числе результатом взаимодействия местного (старожильческого) и пришлого (мигрантского) элементов сибирского социума.

Состояние источниковой базы не позволяет в полной мере оценить культивирование овощных культур с позиции экономической роли в хозяйствах земледельцев Томской губернии. На фоне отрывочной информации об отдельных хозяйствах, где огородничество носило товарный характер, в целом формируется представление о преимущественно потребительской роли овощеводства в губернии. Суровые и слабо прогнозируемые природно-климатические условия Сибири обусловливали ориентацию крестьян преимущественно на зерновое производство, потому дефицит временного ресурса при кратковременности вегетационного периода оказали непосредственное влияние на второстепенность овощеводства в модели хозяйственной жизни сибирских крестьян.

Библиографический список

1. Земледельческое освоение Сибири в конце XVII — начале XX в.: (Трудовые традиции крестьянства). Новосибирск : Наука, Сиб. отд., 1985. 161 с.
2. Громыко М.М. Мир русской деревни. М. : Молодая гвардия, 1991. 269 с.

3. Горюшкин Л.М., Бочanova Г.А., Ноздрин Г.А. Опыт народной агрономии в Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск : Наука. Сиб. изд. фирма, 1993. 262 с.
4. Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск : Изд-во Томского ун-та, 1995. 223 с.
5. Липинская В.А. Старожилы и переселенцы. Русские на Алтае XVII — начало XX в. М. : Наука, 1996. 296 с.
6. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов Верхнего Приобья (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. 151 с.
7. Шелегина О.Н., Жигунова М.А. Материальная культура русского населения Сибири // Русский этнос Сибири в XX в. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 62–89.
8. Дорофеев М.В. Крестьянское землепользование в Западной Сибири во второй половине XIX в. Томск : Томский гос. ун-т, 2009. 319 с.
9. Фурсова Е.Ф. Традиции огородничества восточных славян Обь-Иртышского междуречья (конец XIX — начало XX в.) // Опыт природопользования в Сибири в XIX — XX вв. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2001. С. 151–162.
10. Фурсова Е.Ф. Культура огородничества сквозь призму мировоззрения сибирских жителей XX в. // Баландинские чтения. 2014. Т. 9. № 1. С. 83–86.
11. Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни в начале XX в. // Русский этнос Сибири в XX веке. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2004. С. 90–113.
12. Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие русской сибирской деревни во второй половине XIX в. // От Средневековья к Новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII — начала XX в. Новосибирск : Сова, 2005. С. 117–132.
13. Липинская В.А. Пища и утварь // Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. М. : Наука, 1987. С. 292–312.
14. Фурсова Е.Ф. Традиционная пища украинских переселенцев // Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX — первой трети XX века (по материалам Новосибирской области). Ч. I. Новосибирск : АгроСибирь, 2004. С. 67–72.
15. Рындина О.М., Воропаева А.Г. Традиционная пища украинцев Томской области: динамика во времени и пространстве // Вестник Томского государственного университета. История. 2018. № 55. С. 148–156.
16. Куломзин А.Н. Всеподданнейший отчет статс-секретаря Куломзина по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб. : Гос. тип., 1896. 187 с.
17. Григорьев В.Н. Переселения крестьян Рязанской губернии. М. : Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1885. 194 с.
18. Очерки Алтайского края. Барнаул : Тип. Сибкрайиздата, 1925. 192 с.
19. Швецов С.П. Материалы по исследованию мест возвращения переселенцев в Алтайском округе: Результаты статистического обследования в 1894 году // Алтайский
- сборник. Барнаул : Типо-литогр. Гл. упр. Алт. окр., 1899. Т. 4. Вып. 2. 563 с.
20. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 391. Оп. 3. Д. 767.
21. РГИА Ф. 391. Оп. 4. Д. 390.
22. Кирьяков В.В. Очерки по истории переселенческого движения в Сибири (в связи с историей заселения Сибири). М. : Типо-литогр. т-ва И.Н. Кушнерев, 1902. 370 с.
23. Рытов М.В. Русское огородничество. СПб. : Изд-во П.П. Сойкина, 1914. 292 с.
24. Смирнов А.В. Садоводство и огородничество Владими尔斯ко-Касимовской губернии. Владимир губернский : Типо-лит. Губ. земск. управы, 1903. 72 с.
25. Колесников В.А. Огородничество в селе Поречье Ростовского уезда Ярославской губернии: в 2 ч. Ч. 1. Ярославль : Тип. Губ. правл., 1897. 35 с.
26. Томская губерния и ее производительные силы. Томск : Типо-лит. Томск. ж. д., 1922. 143 с.
27. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Уезды: Барнаульский, Каинский, Томский и Мариинский : материалы по исследованию переселенческих хозяйств, собранные и разработанные под руководством и редакцией В.Я. Нагибина. Томск : Тип. В.М. Перельман, 1913. Вып. 1. 280 с.
28. Разгон В.Н., Храмков А.А., Пожарская К.А. Столыпинские мигранты в Алтайском округе: переселение, землеобеспечение и социокультурная адаптация. Барнаул : Азбука, 2013. 348 с.
29. Залесский С.И. Отчет о командировке, состоявшейся летом 1893 г. по предложению господина Томского губернатора: с картой пройденного пути. Томск: Томск. губерн. тип., 1893. 135 с.
30. Щеглова Т.К., Гоппе А.А. Экологическая антропология: адаптация повседневных практик крестьянской семьи к особенностям водных ресурсов степных территорий юга Западной Сибири в 1930–1950-е гг. // История повседневности. 2021. № 1 (17). С. 51–62. https://doi.org/10.35231/25422375_2021_1_51.
31. Катанаев Г.Е. Хлебопашество в Бельгачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. 1893. Кн. XV. Вып. 2. С. 1–24.
32. Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские стараборядцы. Л. : АН СССР, 1930. 460 с.
33. Этнография русского крестьянства Сибири XVII — середина XIX в. М. : Наука, 1981. 270 с.
34. Липинская В.А. Традиционное сельское хозяйство русских крестьян в Сибири и на Дальнем Востоке // Традиционный опыт природопользования в России. М. : Наука, 1998. С. 184–225.
35. Рубакин Н. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской и как там живут люди. М. : Тип.-лит. И. Н. Кушнерев и Ко, 1908. 186 с.
36. Чубинский П.П. Труды Этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-зап. отдел: Ма-

- териали и исслед., собр. д. чл. П.П. Чубинским. СПб. : Тип. К.В. Трубникова, 1872. Т. 7. 609 с.
37. Головачев П.М. Сибирь. М. : Книгоизд. тов. «Дело», 1912. 236 с.
38. Орлов А.А. Климат Алтая: очерк инженера путей сообщения А.А. Орлова. СПб. : Электро-типография Н.Я. Стойковой, 1912. 32 с.
39. С.-ъ. Урожай арбузов // Жизнь Алтая. 1915. № 174. С. 3.
40. Сельскохозяйственный обзор Томской губернии за 1913 год. Томск : Тип.-литогр. Сиб. тов. печат. дела, 1914. 254 с.
41. Силантьева М.М., Пожарская К.А. Освоение территории степной и лесостепной зон Алтайского края с XX века: развитие сельского хозяйства // Географические основы пространственного развития земледельческих постцелинных регионов Урала и Сибири. Оренбург : ИС УрО РАН, 2022. С. 151–161.
42. Липинская В.А. Адаптивно-адаптационные процессы в народной культуре питания русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М. : Наука, 2001. С. 18–40.
43. Каuffman А.А. Экономический быт государственных крестьян восточной части Томского округа и северо-западной части Мариинского округа Томской губернии // Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. СПб. : Тип. В. Безобразова и комп., 1892. Вып. 14. 519 с.
44. Яницкий В. Устройство огорода: (продолжение) // Сибирский земледелец и садовод. 1909. № 3. С. 103–112.
45. Скалозубов Н.Л. Что нужно знать земледельцу о жизни растения. Краткий курс физиологии растений. СПб. : изд. А.Ф. Девриена, 1910. 198 с.
46. Жигунова М.А. Российские переселенцы в Сибири: этнокультурный аспект // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: История России. 2013. № 2. С. 75–86.
47. Урожай хлебов и трав в Томской губернии в 1913 г., по сообщениям корреспондентов Статистического отдела. Томск : Тип. В.М. Перельман, 1913. 37 с.
48. Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск : НГПИ, 1991. 148 с.
49. Яницкий В. Устройство огорода // Сибирский земледелец и садовод. 1909. № 2. С. 60–67.

References

1. *Agricultural Development of Siberia in the Late 17th — Early 20th Century: (Labor Traditions of Peasants)*. Novosibirsk: Nauka, Sibirske otdelenie, 1985. 161 p. (In Russ.).
2. Gromyko M.M. *World of the Russian Village*. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1991. 269 p. (In Russ.).
3. Goryushkin L.M., Bochanova G.A., Nozdrin G.A. *Experience of Popular Agronomy in Siberia (Second Half of the 19th — Early 20th Century)*. Novosibirsk: Nauka, 1993. 262 p. (In Russ.).
4. Bardina P.E. *The Life of Russian Siberians in Tomsk Krai*. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University, 1995. 223 p. (In Russ.).
5. Lipinskaya V.A. *Old-Timers and Migrants. Russians in Altai in the 17th — Early 20th Century*. Moscow: Nauka, 1996. 296 p. (In Russ.).
6. Fursova E.F. *Traditional Clothing of Russian Old-time Peasants of the Upper Ob Region (Late 19th — Early 20th Century)*. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 1997. 152 p. (In Russ.).
7. Shelegina O.N., Zhigunova M.A. Material Culture of the Russian Population of Siberia. *The Russian Ethnos in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2004. P. 62–89. (In Russ.).
8. Dorofeev M.V. *Peasant Land-Usage in West Siberia in the Second Half of the 19th Century*. Tomsk: Tomsk State University, 2009. 319 p. (In Russ.).
9. Fursova E.F. Gardening Traditions of the Eastern Slavs of the Ob-Irtysh Interflue (Late 19th — Early 20th Century). *Experience of Nature Management in Siberia in the 19th — 20th Centuries*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2001. P. 151–162. (In Russ.).
10. Fursova E.F. Gardening Culture Through the Prism of Siberian Residents' Ideology in the 20th Century. *Balandin Readings*. 2014. Vol. 9 № 1. P. 83–86. (In Russ.).
11. Nozdrin G.A. Economic and Socio-Cultural Development of the Russian Siberian Village in the Early 20th Century. *The Russian Ethnos in Siberia in the 20th Century*. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2004. P. 90–113. (In Russ.).
12. Nozdrin G.A. Economic and Socio-Cultural Development of the Russian Siberian Millage in the Second Half of the 19th Century. *From the Middle Ages to the New Age: Ethnosocial Processes in Siberia in the 17th — Early 20th Centuries*. Novosibirsk: Publishing House of Sova, 2005. P. 117–132. (In Russ.).
13. Lipinskaya V.A. Food and Utensils. *Ethnography of the Eastern Slavs: Essays on Traditional Culture*. Moscow: Nauka, 1987. P. 292–312. (In Russ.).
14. Fursova E.F. Traditional Food of Ukrainian Immigrants. *Essays on the Traditional Culture of Ukrainian Settlers of Siberia in the 19th — First Third of the 20th Centuries (Based on Materials from the Novosibirsk Region)*. Part 1. Novosibirsk: Agro-Sibir, 2004. P. 67–72. (In Russ.).
15. Ryndina O.M., Voropaeva A.G. Traditional Food of the Tomsk Region Ukrainians: Dynamics in Time and Space. *Tomsk State University Journal of History*. 2018. No 55. P. 148–156. (In Russ.).
16. Kulomzin A.N. *Humbly Report of State Secretary Kulomzin on the Trip to Siberia to Acquaint with the Process of the Resettlement*. St. Petersburg: State Printing House, 1896. 187 p. (In Russ.).
17. Grigoriev V.N. *Peasant Migration from the Ryazan Gubernia*. Moscow: Printing House of A.I. Mamontova i K°, 1885. 194 p. (In Russ.).

18. *Essays on the Altai Territory*. Barnaul: Printing House of Sibkraizdat, 1925. 192 p. (In Russ.).
19. Shvetsov S.P. Materials on the Study of Migrant Settlement Locations in the Altai Territory: Results from the Statistical Survey Conducted in 1894. *Altai Collection*. Barnaul: Typographic Lithography of the Main Directorate of the Altai District, 1899. 563 p. (In Russ.).
20. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 391. Op. 3. D. 767. (In Russ.).
21. RGIA. F. 391. Op. 4. D. 390. (In Russ.).
22. Kir'yakov V.V. *Essays on the History of Migration Movements in Siberia (in Connection with the Settlement History of Siberia)*. Moscow: Typography of the I.N. Kushnerev Partnership, 1902. 327 p. (In Russ.).
23. Rytov M.V. *Russian Gardening*. St. Petersburg: Printing House of P.P. Soikin, 1914. 292 p. (In Russ.).
24. Smirnov A.V. *Gardening and Vegetable Growing of Vladimir Province*. Vladimir Gubernskiy: Typographic Lithography of Gubernskoy Zemskoy Upravy, 1903. 72 p. (In Russ.).
25. Kolesnikov V.A. *Gardening in the Village of Porechye, Rostov Uezd, Yaroslavl Province*: In 2 Parts. P. 1. Yaroslavl: Typographic Lithography of Gubernskogo Pravleniya, 1897. 35 p. (In Russ.).
26. *Tomsk Province and Its Productive Forces*. Tomsk: Typographic Lithography Tomskoj Zheleznoj Dorogi, 1922. 143 p. (In Russ.).
27. *A Collection of Statistical Information about the Economic Situation of Immigrants in the Tomsk Province. The Counties of Barnaul, Kainsky, Tomsk, and Mariinsky. Materials on the Study of Migrant Farms, Collected and Developed under the Guidance and Editorship of V.Y. Nagibeda*. In 2 Parts. Part 1. Tomsk: Tipografiya V.M. Perel'mana, 1913. 280 p. (In Russ.).
28. Razgon V.N., Khramkov A.A., Pozharskaya K.A. *Stolypin Migrants in the Altai Region: Resettlement, Land Provision, Economic and Socio-Cultural Adaptation*. Barnaul: Azbuka, 2013. 348 p. (In Russ.).
29. Zalesskij S.I. *Report on a Business Trip That Took Place in the Summer of 1893 at the Suggestion of Mr Tomsk Governor: (With a Map of the Way Traveled)*. Tomsk: Tomskaya Gubernskaya Tipografiya, 1893. 135 p. (In Russ.).
30. Shcheglova T.K., Goppe A.A. Ecological Anthropology: Peasant Family Everyday Practices' Adaptation to the Peculiarities of Water Resources of the Steppe Territories of the South of Western Siberia in the 1930–50s. *History of Everyday Life*. 2021. No 1 (17). P. 51–62. (In Russ.). https://doi.org/10.35231/25422375_2021_1_51.
31. Katanaev G.E. Grain Farming in the Bel-Agach Waterless Steppe of the Altai Mountain District. *Notes of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society*. 1893. B. 15. Issue 2. P. 1–24. (In Russ.).
32. Blomkvist, E.E., Grinkova N.P. *Bukhtarminsky Old Believers*. Leningrad: Akademiya Nauk SSSR, 1930. 460 p. (In Russ.).
33. *Ethnography of the Russian Peasantry of Siberia: The 17th – Mid-19th Centuries*. Moscow: Nauka, 1981. 270 p. (In Russ.).
34. Lipinskaya V.A. Traditional Agriculture of Russian Peasants in Siberia and the Far East. *Traditional Experience in the Treatment of Nature in Russia*. Moscow: Nauka, 1998. P. 184–225. (In Russ.).
35. Rubakin N.A. *Tales of Western Siberia, or of the Provinces of Tobolsk and Tomsk and How People Live There*. Moscow: Typo-lithography of the Kushneryov and Co Partnerships, 1908. 198 p. (In Russ.).
36. Chubinskiy P.P. *Proceedings of the Ethnographic and Statistical Expedition to the Western Russian Region, Equipped by the Imperial Russian Geographical Society. South-Western Department. Materials and Studies*. St. Petersburg: Printing House of K.V. Trubnikova, 1872. Vol. 7. 609 p. (In Russ.).
37. Golovachev P.M. *Siberia*. Moscow: Knigoizdatel'stvo Tovarishchestva «Delo», 1912. 236 p. (In Russ.).
38. Orlov A.A. *Climate of Altai: an Essay by the Engineer of Communications A.A. Orlov*. St. Petersburg: Tipografiya Tovarishchestva p.f. «Elektro-tipografiya N. Ya. Stojkovoj», 1912. 32 p. (In Russ.).
39. S.-я. Watermelon Harvest. *Life of Altai*. 1915. No 174. P. 3. (In Russ.).
40. *Agricultural Review of Tomsk Province for 1913*. Tomsk: Typo-lithography of the Siberian Printing Association, 1914. 254 p. (In Russ.).
41. Silantyeva M.M., Pozharskaya K.A. Development of the Steppe and Forest Steppe Zones of the Altai Territory since the 20th Century: Development of Agriculture. *Geographic Foundations of Spatial Development in Post-Celestial Agricultural Regions of the Urals and Siberia*. Orenburg: Institute of Steppe Ural Branch of RAS, 2022. P. 151–161. (In Russ.).
42. Lipinskaya V.A. Adaptive-Adaptational Processes in Folk Culture of Nutrition of Russians. *Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity*. Moscow: Nauka, 2001. P. 18–40. (In Russ.).
43. Kaufman A.A. Economic Life of the State Peasants of East Part of the Tomsk District and Northwest Part of the Mariinsky District of the Tomsk Province. *Materials for Studying of Economic Life of the State Peasants and Foreigners of Western Siberia*. St. Petersburg, 1892. Iss. № 14. 519 p. (In Russ.).
44. Yanitsky V. Vegetable Garden Arrangement: (Continued). *Siberian Farmer and Gardener*. 1909. No 3. P. 103–112. (In Russ.).
45. Skalozubov N.L. *What a Farmer Needs to Know about the Life of a Plant. A Short Course in Plant Physiology*. St. Petersburg: Izdael'stvo A.F. Devriena, 1910. 198 p. (In Russ.).
46. Zhigunova M.A. Russian Immigrants in Siberia: Ethnic and Cultural Aspect. *RUDN Journal of Russian History*. 2013. No 2. P. 75–86. (In Russ.).
47. *Harvest of Grain and Grass in Tomsk Province in 1913, According to Reports of Correspondents of the Statistical Department*. Tomsk: tipografiya V.M. Perel'man, 1913. 37 p. (In Russ.).
48. Zverev V.A. *Family Peasant Household in Siberia during the Capitalist Era: Historical and Demographic Analysis*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 1991. 148 p. (In Russ.).
49. Yanitsky V. Vegetable Garden Arrangement. *Siberian Farmer and Gardener*. 1909. No 2. P. 60–67. (In Russ.).

Информация об авторах

К.А. Пожарская, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия;

Е.А. Бугрова, аспирант института истории и международных отношений, Алтайский государственный университет; научный сотрудник, Алтайский государственный краеведческий музей, Барнаул, Россия.

Information about the authors

K.A. Pozharskaya, Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Russian History, Altai State University, Barnaul, Russia;

E.A. Bugrova, Postgraduate Student, Department of Russian History, Altai State University; Researcher, Altai State Museum of Local Lore, Barnaul, Russia.